

Вет. клуб - 2004 - 3 марта - с. 25

В сценарии ЭТОГО НЕ БЫЛО

Татьяну Агафонову на улицах стали узнавать после выхода фильма «Одиноким предоставляется общежитие». Это был дебют двадцатилетней студентки школы-студии МХАТ – незабываемый образ эдакой сдобной булочки с изюминкой. Потом последовали хотя и второстепенные, но яркие роли в популярных лентах «Интердевочка», «Зина, Зинуля», «Скорый поезд», «По главной улице с оркестром». Потом –

работа в театре Олега Табакова. Мастер ценил ее талант. Но сама Татьяна в правильности выбранного пути сомневалась «Актерство – клиника. Я сразу это поняла. И не стала заикливаться на профессии», – говорит она сейчас. Заикливаться в общем-то и не пришлось. Сложные перестроечные времена многих заставили сменить жизненные ориентиры. Татьяна выучилась

на юриста – окончила Московскую академию права и финансов. Когда не было предложений сниматься, торговала запчастями. Работала на телевидении – почти два года вела передачу «Аптека» на ТВ-6. Основала и возглавила творческое объединение. Увы, дефолт 1998 года поставил жирную точку на карьере бизнесвумен Агафоновой. Чтобы прийти в себя, она уехала к маме в Тверскую область.

Сабина ДАДАШЕВА

Крепкий дом в деревне Залазино построил еще ее дед. Таню-школьницу сюда отправляли на летние каникулы. В Москве ей потом снились поля, цветущие яблони, родная тетка, доящая большую черно-белую корову... «Меня всю переворачивало – так хотелось в деревне, – вспоминает Татьяна. – Генетика, наверное».

Род Агафоновых некогда был крепок и плодovit – почти триста лет пахали землю в этих местах. Пока Татьяна жила в столице, за домом смотрела мама. Когда мамы не стало, ездить в деревню стало вроде бы незачем. Но однажды, когда Татьяна приехала «проведать дом», он оказался ей таким заброшенным и таким родным...

Она поняла, что никогда не отдаст его в чужие руки. Весной засадила огород картошкой, побелила яблони, подправила забор. Бороться с бытом помогала родня из соседних деревень.

В этих краях в советские времена выращивали лен, благо поблизости стоял полотняный завод. Процветала молочная ферма. Но в начале 90-х все изменилось: завод разорился и его разобрали на кирпичи, молоко подешевело, бензин подорожал. Хозяйство стало убыточным. Несколько окрестных деревень вообще пропали с лица земли – поля пришли в запустение, брошенные дома развалились.

Молодежь вприпрыжку уехала в город – вслед за «дежурными» председателями, чья деятельность складывалась по одному и тому же сценарию: оставшееся колхозное имущество таяло на глазах, а глава хозяйства через некоторое время перебрался в благоустроенную городскую квартиру.

К 2000 году колхоз оказался на грани банкротства, и в очередной раз встал вопрос о замене руководителя. Залазинцы на неофициальном собрании решили предложить председателем Агафоновой, объективно рассудив, что Татьяна Ивановна на тракторе в город не уедет, да и квартира в столице у нее уже есть. И актриса неожиданно для себя согласилась.

В российских деревнях сегодня царит настоящий матриархат. На десять колхозов Лихославльского района Тверской области, к которому относится и Залазино, восемь председателей-женщин. Татьяна Ивановна считает, что это нормально. «Все начинается в семье. Женщина тянет на себе хозяйство, и в какой-то момент понимает, что может нести ответственность не только за свой дом».

Психологический фактор – самая большая сложность, с которой она столкнулась, вступив на председательский пост. Односельчане с трудом привыкают к новым порядкам, не понимая, что происходит со страной в целом и с сельским хозяйством в частности. Агафопова, как может, объясняет. Некоторые считают ее «суровой теткой». «Приходят и говорят: «Я не хочу работать, потому что мне эта работа не нравится». «Другой работы нет, – говорю. – Но ты можешь сам себе дело придумать. Есть мастерская – иди работай. Есть токарный станок – токарь себе на здоровье. А заказчики всегда найдутся».

Ее день начинается рано. Встает в шесть, умывает-ся холодной водой, нали-

вает в миску молока для кошки. Потом садится у окна и пьет кофе, потягивая сигарету. Детей и семьи у Татьяны Ивановны нет. Она старается не думать об этом и тем более не говорить («Моя подруга – моя подушка»). К тому же по натуре Агафопова фаталист, считает, что каждому уготовлена своя судьба.

Ее судьба – колхоз. «Значит, так должно было быть. Если я помогу этим людям – буду себя уважать». И помогает – развалившееся хозяйство собирает по крупицам, аккуратно, не спеша: ежедневно высчитывает расходы-приходы, ищет по Интернету, кому можно продать будущий урожай. Рискует, потому как на селе нет агронома – ни один не удержался, а следовательно, сеют и палят, как умеют. Свет в кабинете Агафоновой горит до глубокой ночи. По пути домой заглядывает во дворы, справляется о здоровье: «Тимофевна, твой сегодня в поле ходил? Опять пьяный? Ты его приведи в чувство, а завтра подними, чтоб работал...»

Сегодня понедельник. Агафопова наконец-то добилась встречи с банкирами. На переговоры в Тверь едет с шофером Васей на колхозном «уа-

зике». На ней свободные брюки и старенький серый пиджак. В руках папка с бумагами. Татьяна Ивановна просит денег под строительство маленького заводика по переработке молока и хлебопекарни. Ее аргументы – цифры: все подсчитала. Предприятие замкнутого цикла будет давать небольшой, но все-таки доход. Да и сельчанам интереснее будет работать на себя, а не сдавать молоко на сторону за гроши.

Дома у нее хорошо, уютно, но накурено – председатель захватывает одну сигарету от другой, хотя врачи запрещают. Два года назад Агафопова перенесла инсульт. На подоконнике рассада болгарского перца, у телевизора гора видеокассет, на столе книги... Татьяна Ивановна снова и снова просматривает документы – переговоры наверняка будут сложными, но, похоже, успешными. И дело надо закрутить побыстрее, – через месяц у нее съемки в новом фильме. Она даже не помнит, в каком именно, и какой будет роль, потому что это уже другая жизнь, другая реальность. Вот съедет за руль своего красного «жигуленка», включит радио, и, пересекая границу города, вспомнит. ■